

Дорога
К
ТИХИМ ЧУДЕСАМ

МАЙК ТОРОС

Майк Торос

Дорога к тихим чудесам

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72385231

SelfPub; 2026

Аннотация

Книга вошла шорт-лист конкурса "Заметки путешественника" на Литрес.

В тихом Портленде, где дождь – это образ жизни, а кофе – лишь повод, живёт иммигрант из Сибири, ищущий смысл в рутине. Однажды в кафе он знакомится с Иззи, и эта встреча толкает в нём давно забытое желание странствовать, чтобы сделать жизнь вновь осязаемой. Так начинается его путешествие, которое выходит далеко за пределы Орегона, превращаясь в одиссею по дорогам Америки и собственного сердца – от водопадов Шошона до пустынной Виннемукки, где паб «Свинья» хранит истории дальнбойщиков.

Каждая миля – диалог с миром: запах сагбруша, блокнот, полный наблюдений и диалогов. В Бенде Майк встречает Крису, чья любовь к жене раскрывает перед ним секреты истинного семейного счастья. Герой понимает: ими была прожита жизнь полная любви и счастливых моментов, в то время, пока он делал лишь нерешительные наброски...

А на что похожа ваша семейная жизнь? На старый черновик или на прекрасную книгу, которую хочется перечитывать?

Содержание

Книга Майка Тороса «Дорога к Тихим Чудесам».	4
Глава 1: Утро с тибетскими чашами и кофе без обязательств	5
Глава 2: Воскресный рынок и блокнот для забытых мыслей	13
Глава 3: Черновики, пиво и тихое возвращение к жизни	32
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Майк Торос

Дорога к тихим чудесам

Книга Майка Тороса

«Дорога к Тихим Чудесам».

Введение

Посвящается моим родителям – архитекторам моего понимания любви, что любовь – это язык, на котором говорят десятилетиями, а не словами.

Выражаю благодарность: Кристоферу Сэнборну и моей сестре Екатерине Рёлих за то, что они вдохновили меня погрузиться в работу; моему отцу за его наставничество при создании произведения; моей матери за её внимание к деталям: а также моему редактору Сэму Нилсону и его команде (Эрику Уилсону, Мартину Гаррету и другим) за их качественную и кропотливую работу!

Глава 1: Утро с тибетскими чашами и кофе без обязательств

В Портленде я жил уже третий год. Город оказался добрым – не в смысле объятий на улице и ежедневными походами друг другу в гости... а в своей деликатности: никто не лезет в душу, все улыбаются ровно настолько, чтобы ты не чувствовал себя чужим, но и не обязан был сближаться. У людей хватает такта, чтобы оставить тебя в покое. Это оказалось именно тем, что мне было нужно.

По выходным я ходил в одно и то же кафе за углом, где давно знали мой заказ, но никогда не спрашивали моего имени. Это идеальные отношения – тёплые, но без обязательств.

Бариста с татуировкой «Carpe Diem» на шее всегда спрашивал: «Как дела?», но никогда не слушал ответа. Однажды я попытался сказать: «Бродячий енот повесился в моем холодильнике», а он только кивнул и спросил: «С сиропом?»

В то утро меня разбудил звук тибетских поющих чаш. Это был мой сосед снизу – тот самый, который медитировал под крики своего кота. Похоже, он решил окончательно перейти на новый уровень духовного осознания – в субботу, в 6 утра.

Я лежал, уставившись в потолок, и думал о том, что, возможно, это знак – пора вставать и идти в то самое кафе. Сбо-

ры заняли у меня пару-тройку часов.

Дождь за окном шёл ровно с той интенсивностью, которая не позволяет сказать «просто моросит», но и не дотягивает до «нужно спастись в ковчеге!». Идеально для того, чтобы надеть джинсы, которые уже второй день пахнут сыростью, и сделать вид, что это «винтажный эффект».

Решил всё же поехать ближе к городскому центру, внося минимальное разнообразие в уже ставший привычным мне распорядок.

Припарковался. В кафе напротив сидела девушка с татуировкой кактуса на запястье и чашкой латте в руках. Она смотрела в окно, и я подумал: «Вот она, типичная портлендская романтика».

Я зашел внутрь, заказал кофе с молоком, но без пенки. Не отрывая глаз от ноутбука, бариста пробормотал:

– Имя?

– Томас, – ляпнул я для разнообразия, устав называться Майком.

Мы сидели в кафе и смотрели, как дождь превращает улицу в реку, а велосипедисты, словно водяные жуки, катаются по лужам. Портленд – это город, где дождь – не просто погода, это скорее образ жизни.

– Вы не местный? – спросила она, не отрывая глаз от меню.

– Нет, – ответил я.

– Я тоже, – сказала она, наконец посмотрев на меня. – Я

только что сюда переехала.

Я кивнул, понимая, что в Портленде это почти обязательное заявление.

– И как тебе город? – спросил я.

– Дожливый, – с улыбкой ответила она.

Мы оба рассмеялись.

– Знаешь, – сказала она, отставляя чашку в сторону, – я всегда думала, что Портленд – это место, где люди живут в гармонии с природой, ездят на велосипедах и пьют кофе без молока.

– А теперь ты думаешь, что это место, где люди живут в гармонии с дождём, ездят на велосипедах и пьют кофе с овсяным молоком? – спросил я, улыбаясь.

Она кивнула.

– Да, – ответила она широко улыбаясь.

Мы снова рассмеялись.

Мы просидели в этом кафе ещё час, а может, и два. Девушка с татуировкой кактуса на запястье представилась как «Иzzi».

– Иззи? – переспросил я (потому что «easy» на русский переводилось как «легко»), а я ещё не встречал лёгких женщин, не считая тех, кто продаёт свою душу и тело за новый айфон, поездку в Дубай или просто, банально, за деньги.

– Да, Иззи. Сокращенно от «Элизабет», – сказала она, прервав мои мрачные думы. Затем она призналась, что переехала сюда из Феникса, потому что «устала от солнца». И

ничуть не удивилась, узнав, что я сбежал от сибирской зимы в орегонскую осень длиною в жизнь.

– Ты представляешь, – сказала она, – просыпаться каждый день и знать, что опять будет ясно? Это как жить под проклятием какого-то древнего бога, который ненавидит драму.

Я кивнул, хотя понятия не имел, о чем она говорит. Солнце уже давно стало для меня чем-то вроде древнего мифа, который пересказывали в нашем городе из поколения в поколение! Легенда гласила, что когда-то оно сияло над городом, но взойдет ли оно снова, и пробьются ли его лучи сквозь тучи, никто в Портленде не знал наверняка.

– Почему кактус? – спросил я, указывая на её татуировку.

– О, это долгая история, – вздохнула она. – Вкратце: я хотела напомнить себе, что даже в самых засушливых местах можно выжить. Потом я переехала сюда, и теперь это просто ирония.

– Скажи мне, чем ты занимался в России? – спросила Иззи.

– Я работал в офисе, где главным корпоративным девизом было: «Мы здесь как семья». Это значит, что босс может орать на тебя, как отец-алкоголик, но если ты увольняешься, он смотрит на тебя грустными глазами и говорит, что ты его подвёл, – пошутил я.

Она рассмеялась.

– А как насчёт тебя? – поинтересовался я.

– Я пишу диссертацию на тему «Влияние солнечных дней в Орегоне на психическое здоровье городских жителей», – с юмором ответила она. – Хотя я уже месяц не могу начать, потому что каждый раз, когда я сажусь за работу, на улице идет дождь.

– Значит, ты не только объект исследования, но и контрольная группа, – заметил я.

– Именно! – рассмеялась она. – Наука требует жертв!

Мы говорили ни о чём и обо всём сразу. О том, что в городе слишком много велосипедистов, которые приняли философию «быстрее дождя» и теперь считают себя неуязвимыми... О том, что местные коты и кошки – настоящие выживальщики в вечном сыром апокалипсисе. А овсяное молоко – чей-то коварный замысел. И о том, что, возможно, дождь – это не проклятие, а просто способ замедлить время.

Мы проговорили до закрытия и вышли из кафе вместе,

но не обменялись номерами – прекрасная незавершенность момента.

К тому времени дождь превратился в нечто среднее между редким морозящим дождем и намёком на апокалипсис.

Иззи достала складной зонтик с принтом «Сохраняй Портленд Странным» (девиз города), который, судя по всему, уже сдавался стихии.

– Может, как-нибудь повторим? – спросила она.

– Если выживешь в этом ливне, – ответил я на прощание.

– Договорились, – улыбнулась она и свернула за угол, где проезжавший мимо велосипедист в пластиковом пончо чуть не сбил её.

Я шёл домой, размышляя о том, что Портленд – это город, где даже знакомства начинаются с дождя и заканчиваются намёком на вторую встречу, которая, скорее всего, не состоится. Но если это случится, это станет неплохой историей для следующей беседы за чашкой кофе.

А может, и нет. В конце концов, даже кофе здесь иногда оказывается просто кофе.

Глава 2: Воскресный рынок и блокнот для забытых мыслей

На следующий день дождь, казалось, решил взять отдых. Первое, на что я обратил внимание, – это тишина. Ни кроважных воплей, ни визгливых протестов соседского кота, ведущего очередной философский раунд с пылесосом. Просто... пустота. Вакуум своего рода.

Я медленно сел в кровати, ожидая, что привычный крик прорвется сквозь половицы. Ничего. Это тревожило. Но не потому, что я скучал по его крикам, а потому, что отсутствие кошачьих воплей создавало некую пустоту, как если бы телевизор, который вы не смотрите, вдруг выключился сам по себе.

Это дурно пахло. Не в смысле как в фильме ужасов. Скорее, это было похоже на неправильность пропавшего фонового шума – как когда холодильник перестаёт работать, и вы понимаете, что он всё это время был вашей музыкой.

Я потёр глаза и вслух сказал никому не известное:

– Он либо достиг внутреннего умиротворения, либо сожрал пылесос!

Я босиком прошёл на кухню, пол отдавал холодом. В квартире всё еще стоял запах вчерашнего кофе и еще чего-то – металлического и влажного, словно сожаление, оставленное

на ночь в тарелке.

Плесень на подоконнике подросла. Снова. Крошечное зелено-черное созвездие теперь растянулось на новый форпост в левом углу, и его территория расширялась дерзновеннее с каждым дождливым утром.

– Поздравляю, – пробормотал я. – Теперь ты официально республика!

Я открыл холодильник, надеясь найти вдохновение. А нашёл почти пустую бутылку пива и половину лимона, выглядевшую так, будто он пережил сильнейшие битвы.

Я налил себе в стакан последний остаток вчерашнего пива, посмотрел на него и, убедившись, что оно тоже посмотрело на меня – вылил его в раковину. Запечатлел в памяти, как янтарная жидкость клубится, освещает бокал, а потом исчезает в стоке.

И тут меня осенило!

В этом моменте не было ничего необычного – ни хора ангелов, ни кинематографичной музыки. Просто мысль, настолько тихая, что от неё не осталось и следа. «Что-то изменилось».

Это была не кошка. Или кофе. Или пиво. Дело было во мне.

Вчерашний день что-то сделал – повернул маленькую ручку где-то внутри меня. Что-то во вчерашней встрече с Иззи сдвинуло шестерёнки, и привычный механизм повседневной жизни заскрипел.

Это не было драматично. Скорее, это был зуд где-то под поверхностью, напоминающий мне, что повторение – не то же самое, что ритм. Я выглянул в окно. Небо было серым, но сегодня оно не плакало. Портлендская версия милосердия.

Я оделся и вышел на улицу. На этот раз без чёткого плана. Не в то кафе и не по расписанию.

Дверь моего соседа слева была приоткрыта. Изнутри доносилось нежное попискивание ситара и резкий голос, проносивший что-то на санскрите – а может, и просто на очень укуренном английском.

– Эй, Майк! – позвал сосед, когда я проходил мимо.

– Привет, Эран, – кивнул я, приостановившись.

– Не хочешь присоединиться к утренней йоге и сеансу самопознания? Очень просветляет! У меня также есть комбуча. Свежезаквашенная... Очень очищает.

Я вежливо улыбнулся. «Спасибо, но на этой неделе я пытаюсь завязать с просветлением».

Он усмехнулся.

– Как хочешь, брат. Просветление подождет.

«Это-то меня и беспокоит», – пробормотал я, отправляясь дальше.

Снаружи воздух был бодрящим, свежим, как в Портленде. Словно город принял душ, но забыл высушить волосы.

Я шёл без цели. Не в привычное кафе. Не к привычной скамейке. Не по обыкновенному маршруту.

Что-то сдвинулось. Может, это было ничто. А может, всё.

Улицы казались иными, когда ты не пытался куда-то попасть. Люди вокруг были в спешке – прохожие с опущенными головами и наушниками в ушах, погруженные в сражения, в которых я не участвовал. В кои-то веки я не был участником в этом забеге. Я не опаздывал. Меня не ждали. Я просто был.

Я забрёл в небольшой проулок, мимо которого проходил сотни раз, но никогда не замечал. Он был усеян фресками – портретами незнакомцев, которые, вероятно, прожили жизнь похлеще моей.

Одна из них, женщина в широкополой шляпе, казалось, следила за мной глазами, когда я проходил мимо. Я представил себе, как она говорит:

– Наконец, ты нашёл окольный путь!

В итоге я оказался возле тележки с едой, где старик продавал свернутые вручную крендельки. Его тележка была ржавой, зонтик выцвел до неузнаваемости. Он поприветствовал меня, как будто я был постоянным посетителем, хоть я ранее с ним не встречался.

– Первый раз всегда бесплатный, – заявил он, протягивая мне тёплый крендель. Но только если вы едите его во время ходьбы. Сидеть запрещено!

Я улыбнулся, поблагодарил его и повиновался. Крендель был до абсурда вкусным, лучше, чем он имел право быть! И пока я жевал, я понял, что это незапланированное утро уже дало мне больше, чем многие из запланированных.

Иногда отсутствие пункта назначения – единственный способ добраться до нового места.

Центр города жил своей воскресной жизнью – фермерский рынок, запах жареного миндаля, женщины в пальто оливкового цвета и мужчины с бородами, которые выглядели так, будто могли вырезать каноэ из бревна и одновременно прочесть Бродского вслух. Здесь пахло жареным кофе, свежей выпечкой и сомневающимся запахом дождя, который передумал идти.

Местные жители бродили между прилавками, словно искали не только продукты, но и потерянные части себя. Мужчина в кожаном жилете продавал маринованную спаржу рядом с поэтом, торгующим журналами собственной работы под названием «Мысли, которые должны были остаться в душе». Один прилавок был полностью посвящен грибам – всех видов, форм и мифов. Дитя с благоговением смотрела на экспонаты с львиной гривой, а её отец шептал: «Нет, милая, этот не рычит».

Я бродил среди всего этого, словно заброшенный в суматоху. Мои ноги двигались без цели. Мои руки были засунуты в карманы пальто. Мир, казалось, ничего от меня не ждал.

Потом я увидел её – скамейку.

Деревянная. Наполовину мокрая. Зажатая между продавцом лавандового мыла и женщиной, продающей украшения из старых клавиш печатной машинки.

Я сел. Некоторое время просто наблюдал. Пожилая женщина в шерстяной шапке с заплатками увлеченно спорила с продавцом о цене чеснока.

– Я не говорю, что он не стоит 4 доллара, – настаивала она, – я говорю, что мои предки будут рыдать, если я столько заплачу.

Продавец, мужчина с блестящими рыжими усами, наклонился к ней с театральной серьезностью.

– Мадам, этот чеснок благословлён утренним туманом до-

лины Уилламетт. Если вы съедите его сырым – ваши грехи испарятся!

– Ха! У меня десятки лет грехов, молодой человек. Лучше бы это сопровождалось очистительными пенопениями.

Я рассмеялся. Тихо. Таким смехом, который вырывается наружу, не спрашивая разрешения.

Затем я потянулся в пальто и достал блокнот.

Он был потрёпанным. Подарок друга из Москвы, который однажды сказал:

– Когда-нибудь ты снова начнёшь писать. Возможно, когда ты меньше всего будешь этого ожидать.

Тогда я усмехнулся.

Я открыл его. Первая страница была пустой. Предсказуемо пустой.

Это было похоже на то, как если бы я смотрелся в зеркало после долгих лет молчания.

Ручка оказалась в моей руке раньше, чем я успел это осознать. Я не думал. Я просто... начал.

«Мужчина с рыжими усами выглядит так, будто когда-то встречался с танцовщицей фламенко и так и не смог забыть об этом»; «Женщина в пёстрой шляпе идёт так, будто каждый её шаг – это переговоры о заключении мирного соглашения»; «Город пахнет жжёным сахаром и отложенными решениями».

Ничего глубокого. Никаких цветистых метафор. Просто... бессмыслица. И всё же я не мог остановиться.

Каждая строчка была похожа на включение крана, который не работал несколько месяцев. Сначала ржавчина. Затем светлее. А потом – приобреталась прозрачность.

Ветер пронёсся мимо, подняв с соседнего стенда свободную страницу и прижав её к моей ноге. Я даже не заметил. Я был слишком увлечён движением.

Рука двигалась, словно вспоминая что-то, чего ещё не успел понять мой разум.

Я остановился только тогда, когда заметил перед собой тень.

Напротив скамейки, держа в руках стаканчик с едой и знакомо ухмыляясь, стояла Иззи.

Её белокурые локоны были уложены в свободную причёску, несколько прядей развевались на ветру. На ней была та же джинсовая куртка и знакомая татуировка в виде кактуса.

Она молчала. Просто сидела. Достала свой блокнот – поменьше, в мягкой обложке, уголок слегка пожеван, словно его приняли за перекус.

Она бросила на меня быстрый взгляд и полуулыбку, как бы говоря:

– Я же говорила, что в этом городе не бывает одноразовых вещей.

Я посмотрел на неё, потом на свой блокнот, затем обратно.

Она отпила кофе, приподняла бровь и вернулась к писанине.

И несколько мгновений, а может, и больше, мы просто сидели там – два странных человека, пишущих в серое воскресенье, окруженные ароматом корицы, звуками бойкой торговли и заново открытой способностью наблюдать.

Иззи не сразу поздоровалась. Да ей и не нужно было.

Она просто села на другой конец скамьи, словно это место было припасено для неё. Как будто появление снова – было её предназначением, и она лишь ждала подходящего момента.

Я взглянул на неё поверх блокнота.

– Снова ты, – сказал я.

– Ты надеялся на кого-то другого? – ответила она, не поднимая глаз и потягивая кофе.

– Не надеялся. Просто не ожидал.

Она ухмыльнулась, не отрывая глаз от своего блокнота.

– Ты ведь тоже думал, что это было на один раз, не так ли?

– Я всегда так думаю, – ответил я, пожимая плечами. –

Просто иногда ошибаюсь.

Ветер шумел на рынке, донося аромат розмаринового хлеба и дровяного дыма. Вокруг нас шумели люди – смеялись, покупали, дегустировали, – но всё это было приглушенным, словно мир убавил громкость специально для нашей части скамейки.

Иззи подняла на меня взгляд, её серые глаза были ясными и странно нежными.

Ты написал обо мне? – спросила она.

Я моргнул.

–

Прямо так в лоб, да?

Она наклонила голову:

– Мне любопытно. Я не часто попадаю в записные книжки людей. Да и вообще... никогда.

Я постучал по закрытой обложке.

– Вы только что снялись в эпизодической роли! Ничего драматического. Никаких монологов.

Она подняла свою кофейную чашку в шуточном приветствии.

– Я согласна на эпизодическую роль. Это лучше, чем большинство первых впечатлений.

Возникла пауза – комфортная, тихая.

– Ты выглядела... по-другому, – подметил я. – Вчера в кафе. Более... колючей.

Она рассмеялась, покачав головой.

– Это моя суперсила. Я тот же человек, но слегка изменённый, в зависимости от того, какой напиток у меня в руках.

– Ты ведь не собиралась сюда приходиться? – спросил я.

Она слегка пожала плечами.

– Нет. Я шла домой от подруги и повернула налево, а не направо. В итоге оказалась на рынке. А потом... там обнаружила тебя. С видом человека, застрявшего посреди строк.

Я улыбнулся.

– Я думал, что буду больше удивлён, увидев тебя снова, – сказал я. – Но это воспринимается... нормальным что ли.

– Это потому, что Портленд – город полупризраков и повторяющихся незнакомцев, – с хитрым прищуром ответила она. – Мы все просто дрейфуем друг вокруг друга, пока однажды не оказываемся на одной скамейке.

Её слова прозвучали мягче, чем я ожидал, словно кто-то протягивает вам тёплый шарф, о котором вы до этого и не подозревали, что нуждаетесь.

Я изучал её некоторое время. Она не была эффектной. Во всяком случае, не в том смысле, как это рисуют в кино. Но было что-то магнетическое в её непринуждённой энергетике – в том, как она смотрела на мир, словно подчёркивая его своими глазами.

– Ты всегда носишь с собой блокнот? – спросил я.

Она постучала по нему пальцем.

– Конечно. Что ещё я должна делать, подслушивая мир?

– И что же ты пишешь?

Я слегка наклонился.

– Отрывки. Впечатления. Полумысли. В основном то, что я никогда не перечитываю, – призналась она.

– Но если я не записываю их, они исчезают. И я начинаю чувствовать себя... опустошённо.

Я кивнул.

– Мне знакомо это чувство.

Мы откинулись назад, наши плечи не соприкасались, но

были достаточно близки, чтобы тепло присутствия начало просачиваться сквозь пространство между нами.

Неподалёку от нас какой-то музыкант начал играть что-то низкое и медленное на стальной гитаре. Иззи на секунду закрыла глаза, впитывая его, как солнечный свет.

– Мне это нравится, – вдруг сказала она.

– Музыка?

– Нет, – ответила она, снова открывая глаза.

– Это. Сидеть здесь. С кем-то, кто не задаёт лишних вопросов, но всё равно всё понимает.

Она смотрела на меня на мгновение дольше, чем ожидалось, а затем вернулась к написанию чего-то в своём блокноте.

И в этот момент я понял: важен не только сам факт того, что я снова с кем-то столкнулся. Это был тот редкий, тихий комфорт, когда видишь знакомое лицо и знаешь, что этот момент не должен быть чем-то большим, чем он уже был.

Мы оба снова замолчали.

Это не был момент неловкости. Это было больше похоже на то, когда вас накрывают тёплым одеялом – мягким, немного тяжёлым и комфортным.

Я записал что-то, не задумываясь. Фразу о том, что женщина покупает слишком много груш и называет это «эмоциональной компенсацией». Это было не очень умно, но заставило меня улыбнуться.

Краем глаза я заметил, как Иззи следит за движением мо-

ей руки. Она не пыталась это скрыть. Она изучала страницу так, как некоторые люди изучают обувь незнакомца – с любопытством, но не навязчиво.

– Ты пишешь? – неожиданно спросила она.

Её голос был мягким. Не требовательным, просто заинтересованным. Как будто она спрашивала, напеваю ли я мелодию или строю песочный замок – что-то маленькое и личное, но не постыдное.

Я остановился на полуслове и огляделся.

– Иногда, – сказал я.

Она подняла бровь.

– Это «да», замаскированное под «может быть».

Я усмехнулся.

– Думаю, это безопаснее, чем говорить «да» и доказывать это.

Она кивнула в знак понимания.

– Ты когда-нибудь давал кому-нибудь это читать?

Я заколебался. Затем покачал головой.

– Нет, если честно. Пока нет.

– Это справедливо, – сказала она, небрежно открывая свой блокнот. – Я тоже. Во всяком случае, серьёзные вещи.

Я прислонился спиной к скамейке.

– Школьная работа – это одно. Но всё остальное... – она посмотрела на меня, закончив мысль. – Это всё равно, что показывать кому-то свою грязную комнату, пока ты не запихнул всю одежду под кровать.

Я рассмеялся.

– Именно! И бельё пытается тебя сдать, заговорив.

Она улыбнулась.

– А моё ругается.

Мы оба немного помолчали, а потом она сказала:

– Я всегда считала, что писать – это как дышать. Естественно. Необходимо. Но потом кто-то просит прочитать, и вдруг всё это становится похоже на операцию.

– Это потому, что писать – это дышать, – ответил я. Но давать кому-то читать – всё равно что просить его судить о том, как ты дышишь.

Она усмехнулась.

– Ты полон метафор, да?

– Побочный эффект лёгкой бессонницы и слишком частых кофейных свиданий с самим собой.

Она постучала по корешку блокнота и посмотрела на рынок.

– Я пишу вещи, которые понимаю только спустя несколько недель. Как будто моё подсознание оставляет мне заметки.

Я кивнул.

– Или как птицы, которые оставляют после себя перья, и ты понимаешь, что они вили гнездо, только когда их уже нет.

Она повернулась ко мне, глаза сияли.

– На самом деле это прекрасно! Тебе стоит это записать.

Я опустил взгляд на свой блокнот.

– Может быть, я уже записал.

Она улыбнулась, затем посмотрела на свою страницу.

– Мои больше похожи на диких птиц. Шумные. Полные опечаток. Иногда злые.

– Думаю, ранние черновики у всех похожи на птиц со сло-
манными крыльями, – сказал я. Но они всё ещё твои. Всё
ещё живы.

Она посмотрела на меня, теперь уже более серьёзно.

– Как ты думаешь, это нормально – хранить мысли только
для себя?

Я встретил её взгляд.

– Я думаю, это необходимо.

Она выдохнула, как будто что-то сдерживала в себе.

– Иногда я думаю, что я эгоистка, раз не делюсь с другими.

Что, возможно, искусство должно быть увидено.

Я подумал об этом.

– Может быть. Но, возможно, некоторые вещи не созданы
для того, чтобы их показывать. Может быть, некоторые из
них – просто доказательство того, что мы когда-то глубоко
чувствовали что-то и не хотели забывать об этом.

Она опустила глаза и провела пальцами по краю блокнота.

– Именно так я отношусь к большинству своих работ. Как
будто это доказательство того, что я существовала.

Я мягко улыбнулся.

– Тогда мы оба в хорошей компании!

После этого нам не нужно было ничего говорить. Мы про-

сто продолжали писать. Тихо.

Позволяя нашим несовершенным птицам летать беспорядочными петлями по страницам, незамеченными и невидимыми – доказательство того, что мы всё ещё здесь, замечаем.

Ритм рынка начал замедляться.

Утренний хаос уступил место чему-то более мягкому. Меньше шагов. Больше пауз. Как будто вся улица перевела дух и решила, что ей не нужно никуда спешить.

Иззи перестала писать.

Её ручка лежала на странице, всё ещё не закрытая, но не шевелившаяся. Она смотрела на киоск с едой на другой стороне улицы – одну из тех тележек, которые выглядели так, будто были построены из переработанных амбарных дров и бредовых снов.

– Ты когда-нибудь думал о том, чтобы уехать? – неожиданно спросила она.

Я моргнул, оторвавшись от предложения, которое никак не мог закончить.

– Покинуть... Портленд? – осторожно спросил я.

– Бросить всё. – сказала она. – Расписание. Сплошную рутину. Велосипедные дорожки. Плесень.

Я слабо улыбнулся последнему слову.

– Ты забыла о кофейных снобах и лечебных татуировках.

Она ухмыльнулась, но не посмотрела на меня.

– Я серьёзно. Разве тебе никогда не хотелось просто... уйти?

Я откинулся назад и медленно выдохнул.

– Я думал об этом. Но потом я подумал – куда идти? Куда бы ты ни пошёл, ты там. И в конце концов ты распаковываешь всё те же коробки.

– Но, может быть, есть какая-то версия тебя, – сказала она, повернувшись ко мне, – которая проявляется только тогда, когда вокруг всё новое. Когда никто не знает ни твоего имени, ни твоих привычек, ни того, как ты пьёшь чай.

Я наклонил голову.

– Я даже не уверен, что сам знаю, как я пью чай.

Она усмехнулась.

– Именно. Тот парень, который не знает, и есть тот, о ком я говорю.

Я замолчал на секунду. Давая её словам устояться.

– Звучит немного пугающе, – признал я.

– Так и есть, – ответила она без колебаний. – Но, возможно, страх – это то, что нам иногда нужно. Чтобы встряхнуть те части нас, которые застряли.

Я медленно кивнул.

– А как ты узнаешь, куда идти?

– Никак, – просто ответила она. Ты просто выбираешь направление. Остальное выясняешь по дороге.

Я смотрел на неё, размышляя об этом. Идея была безумной, и в то же время в ней было что-то освобождающее.

– Не могу понять, это храбрость, – сказал я, – или просто поэтическая форма бегства.

Она опустила взгляд на свою чашку с кофе.

– А может, это и то, и другое?

Мы оба улыбнулись, немного грустно.

Прошёл момент, когда никто из нас не разговаривал. Просто сидели – два человека, думающие об одной и той же невероятной мысли под разными углами.

Затем она легонько подтолкнула меня своей ногой.

– Ну что... притворимся, что это продуктивное утро? – спросила она, приподняв брови.

Я посмотрел на свои бессвязные каракули.

– Почему бы и нет? – сказал я. – Главное – не смотреть на часы.

Она подняла свою чашку.

– Тогда за утро без времени!

Я стукнул своей ручкой о её ручку, словно произнося импровизированный тост.

– За утро, в котором нет ответов, – добавил я, – и за людей, которые всё равно задают правильные вопросы.

После этого мы мало о чём говорили.

Просто писали в своих блокнотах. Или не писали. Смотрели, как собака лает на собственное отражение в луже. Позволяли серому небу зависнуть над нами, как неуверенному обещанию.

И впервые за долгое время я не ждал, когда начнётся дождь.

Глава 3: Черновики, пиво и тихое возвращение к жизни

Я начал писать по утрам. Без напряжения. Не для чего-то – просто потому, что иначе день начинался с пустоты. Сначала абзац, потом страница.

Я писал о том, что плесень на подоконнике стала напоминать карту архипелага, где каждая страна в крапинку – это забытая мысль, о запахе утреннего хлеба из пекарни. О старике в парке, который каждую среду кормит птиц и разговаривает с ними по-французски или по-немецки; для меня все это звучало одинаково приятно, по-европейски.

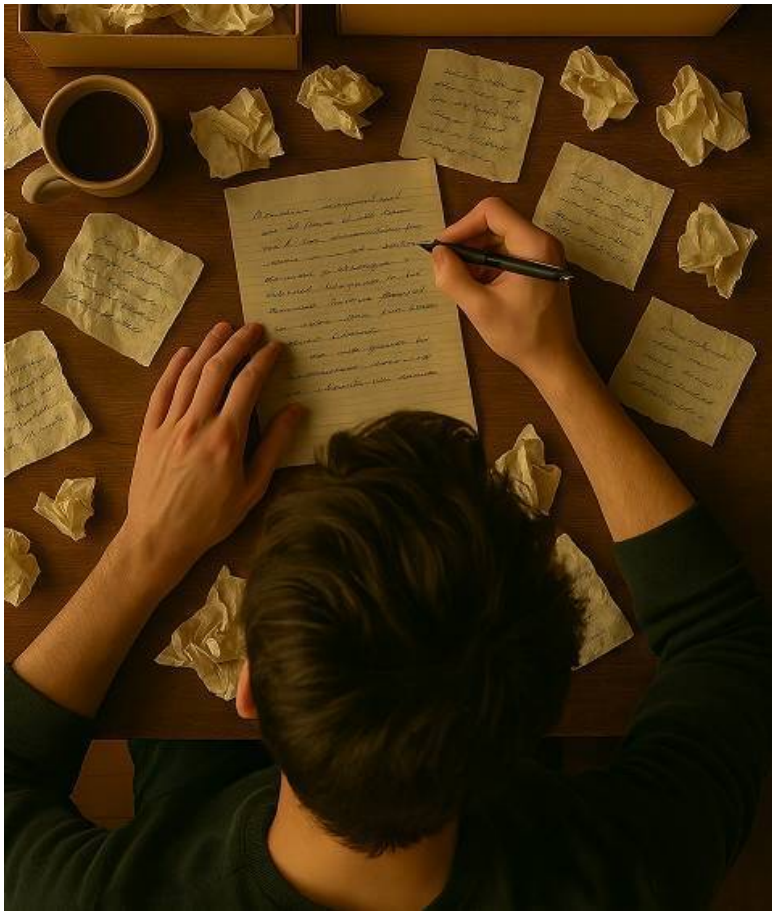
Слова приходили медленно, как капли кофе из неисправного кофейника. Но они приходили. Одно предложение. Потом еще одно. В некоторые дни – всего три. В другие дни – абзац, словно пьяный старый друг, вернувшийся из изгнания.

Ожиданий не было. В этом и заключался секрет.

Иногда по утрам я сидел по часу, просто описывая, как свет ползет по полу. Это было похоже на то, как будто заново учишься видеть. Я забыл, как меняются тени, когда мимо проплывает облако, как мерцает воздух возле чашки с чаем. Я начал записывать эти крошечные вещи, даже если они ка-

зались мне пустяковыми. Почему-то они были более искренними, чем большие слова, за которыми я обычно гонялся.

Я смотрел на эти предложения дольше, чем хотел. Не потому, что это было блестяще – это было не так. Но потому что это было... настоящим.

И тогда я понял: я пишу не для того, чтобы произвести впечатление. Я пишу, чтобы запомнить. Чтобы замечать.

Привычка росла, как растение, которое я неосознанно поливал. Я не проверял время. Не редактировал. Даже не перечитывал. Я просто писал.

Раньше моя квартира была аккуратной. Или, по крайней мере, предсказуемой в своем беспорядке. Несколько тарелок в раковине. Носки с неясной принадлежностью к какому-либо ящику. Книги, сложенные в порядке, который я называл «порядок эмоционального роста».

Но сейчас... все выглядело так, словно здесь пронёсся литературный торнадо и решил обосноваться.

Моя квартира превратилась в архив черновиков – исписанные салфетки, скомканные тетрадные листы, полузаконченные мысли... Они были доказательством того, что я снова замечаю, чувствую мир, а не плыву по течению. Он стал живым, дышащим музеем забытых мыслей, неловких симиляров и полуправд.

И я чувствовал себя более живым, чем за последние месяцы. Я не собирался хранить их вечно. Я начал складывать их в коробку. Потом я понял, что одной коробки недостаточно, и взял вторую, но вскоре заполнил и её.

В том, что эти коробки загромождали приличный угол моей квартиры, был какой-то странный комфорт. Как молчаливое свидетельство того, что я всё ещё способен что-то создать – даже если это не идеально, даже если оно таковым не станет.

Всё началось случайно.

Однажды ночью я опрокинул свечу, и загорелся лист бумаги. Не драматично, не вызывая пожарную охрану, а просто медленно сгорая, как будто бумага ждала разрешения исчезнуть.

Я смотрел, как она превращается в пепел. Наблюдал, как слова тают в ничто.

И в этом было что-то совершенное.

На следующий вечер я сделал это намеренно.

Я собрал горстку черновиков – тех, которые меня раздражали, или смущали, или казалось, что они никогда не пойдут в дело.

Одну за другой я отправлял их в пламя. Не со злостью. Не как отказ. Скорее, как освобождение.

В этом было что-то странно интимное – как будто укладываешь свои плохие идеи в постель и позволяешь им уснуть навсегда.

Огонь мягко танцевал, слизывая слова. Я не чувствовал сожаления. Только... лёгкость.

Иногда я шептал названия, прежде чем бросить их в чашу.

Через некоторое время я стал использовать небольшую керамическую чашу только для этого. Раз в неделю я вычищал из неё пепел. Держал её у окна.

Это стало ритуалом. Своего рода писательский компост. Превращение того, что не получилось, в тепло и тень.

Зрителей не было. Не было аплодисментов. Только тихий треск принимаемого и отпускаемого несовершенства.

И, возможно, подумал я, именно этим мы все и занимаемся – пытаемся написать себя достаточно ясно, чтобы нас увидели, а затем отпускаем те страницы, которые больше не служат нам.

Со временем процесс письма стал меньше зависеть от того, что я запечатлел, а больше от простой частоты наблюдения. Я начал ощущать тихий диалог между собой и окружающими меня предметами. Кружка со сколами, которую я использовал каждое утро, рассказывала свои собственные безмолвные истории, трещина на ручке напоминала о дне, который я не мог вспомнить, но испытывал ностальгию. Трубы радиатора, которые звенели и вздыхали в ранние часы, стали персонажами в моей голове – старыми и темпераментными, жалующимися на свои бесконечные обязанности.

По выходным я иногда совершал долгие прогулки, но не с блокнотом, а с открытым сердцем. Я наблюдал за тем, как люди, не замечая того, прикасаются к вещам – женская рука мимолетно задевает фонарный столб, мужчина рассеянно постукивает пальцами по стойке кафе. Эти крошечные жесты попадали в мои черновики. Не потому, что они были значимыми, а потому, что они были реальными. Потому что они происходили тихо, без постороннего внимания.

И постепенно мне перестала быть нужна причина, чтобы писать. Сам акт стал смыслом. Я не документировал для бу-

душей аудитории. Я не архивировал жизнь как материал. Я просто учился снова принадлежать ей. Даже в те дни, когда слова не приходили, когда страница оставалась пустой, была какая-то тихая победа в том, чтобы просто сидеть, осознавать, ждать.

Коробки множились. Я бросил попытки упорядочить их. Мне нравилось, как они ссутулились в углах, неопрятные, но присутствующие. Друзья, приходившие в гости, иногда спрашивали, что это такое. Я пожимал плечами: «Мысли, которые я еще не закончил». Большинство из них вежливо улыбались, полагая, что я имею в виду черновики рассказов или стихов. Но на самом деле это были фрагменты – полузабытые впечатления, которые никогда не перерастут во что-то большее. И это было прекрасно.

Однажды вечером, во время неожиданной грозы, отключилось электричество. Не имея ни электричества, ни отвлекающих факторов, я зажёл несколько свечей и оказался сидящим со скрещенными ногами перед коробками. Я наугад потянулся к ним, вытаскивая старые обрывки. Некоторые я не помнил, как писал. Некоторые казались чужими. Но все они были общими: это были моменты, когда я останавливался достаточно долго, чтобы почувствовать что-то, увидеть что-то, даже если я не мог тогда назвать это.

Я задавался вопросом, не было ли это тем, чем всегда было для меня писательство, – не способом объяснить жизнь, а способом заметить её, пока она не ускользнула.

Иногда я брал горсть этих обрывков в баню, где я работал. В качестве своего рода ритуала. Наблюдая за тем, как бумага скручивается и чернеет, я думал о людях, гуляющих на улице и не подозревающих, что воздух теперь наполнен остатками моих маленьких, забытых предложений.

Мне нравилось думать, что я отправляю свои незаконченные мысли в небо, где они, распадаясь на крошечные частицы, проникают в умы прохожих на городских улицах.

Может быть, какая-то молекула неудачной метафоры попадёт в сны поэта. И подслушанная строчка вернётся в мир в лучшей форме.

Вот что заставляло меня зажигать спички.

Не разрушение. Но преобразование.

Потому что даже поломанные слова заслуживали проводов.

Может быть, какой-то фрагмент моего замечания мягко приземлится на их плечи.

А может, и нет. Может быть, единственным человеком, которому нужны были эти слова, был я.

Городская библиотека стала мне своего рода часовней. Не потому, что я там молился. А потому, что я вспоминал там как слышать. Там пахло чернилами, пылью и далекими намерениями. Такое место, где даже тишина имела свои слои.

У меня не было плана. Никакой книги на примете. Не было раздела, который нужно посетить. Я бродил по проходам, словно по тропинкам в лесу: каждая полка – отдельная тропинка, каждый корешок – шепот. В библиотеке я находил утешение в запахе старых книг и гуле жизни, разворачивающейся за окном. Я не читал. Я просто... наблюдал.

Люди перелистывали страницы. Ручки тихо пишут на желтых блокнотах. Скрип ботинок по ковру. Изредка шелестела обертка конфеты, которую незаметно открывали, словно время перекуса было священным и тайным.

Я видел, как мужчина взял в руки книгу, пролистал ее, положил и пошел дальше. В этом тоже было что-то прекрасное. Не каждую книгу нужно выбирать.

Некоторые вещи просто созданы для того, чтобы их подержать в руках. Принять к сведению. И оставить.

Пожилой мужчина у окна крепко спал, очки сползли на нос, большая биография какого-то русского генерала распахнулась, как палатка, на его груди. Школьники перебегали через дорогу, их смех был резким на фоне дождя. Мужчина спрятал фляжку в пиджак, оглядываясь по сторонам, как

будто миру было не всё равно.

Солнце медленными полосами скользило по полу, пробиваясь сквозь высокие окна, словно мягкий прожектор, освещающий обыденные вещи. Пыль плавала в свете, как забытые мысли.

Это напомнило мне, что мир не обязательно должен быть необычным, чтобы его можно было запечатлеть.

Однажды я наблюдал, как девочка-подросток читала вслух стихотворение, проговаривая каждую строчку шепотом, произнося слова с почти театральным благоговением.

Она даже не подозревала, что кто-то за ней наблюдает.

Я нацарапал:

«Мы настоящие лишь тогда, когда нас никто не оценивает».

Библиотека не излечила меня. Это слишком помпезно.

Но она сделала нечто меньшее.

Она заставила меня снова обратить внимание. На мягкость. На мелкие текстуры. На людей, спокойно проживающих свои истории рядом с моей.

Я записывал эти моменты, но не для того, чтобы просто запечатлеть их, а чтобы помнить, что я был их частью. Писать нужно было не для того, чтобы стать кем-то другим, а для того, чтобы вернуться к себе, по одному тихому наблюдению за раз. Чтобы собрать потерянное «я» воедино.

В какой-то момент я понял, что это и есть моя новая жизнь – не попытка стать кем-то большим, а медленное воз-

вращение к себе, к человеку, который замечает мелочи.

Это было похоже на собирание себя заново. Без желания торопиться. Без цели «стать писателем». Я просто становился человеком, который что-то замечает, что-то чувствует, а не просто перерабатывает день за днем.

Я начал жаждать этих незамеченных уголков жизни, мест, где, казалось, никогда не происходило ничего «значительного». Как библиотекарь напевает себе под нос, расставляя книги по полкам, – тихая мелодия, теряющаяся под флуоресцентными лампами. Как дождь собирается в идеальные круги на скамейке у входа, отмечая время так, как никогда не смогут сделать никакие часы. Я садился на угловое место в библиотеке не для того, чтобы убежать от мира, а чтобы почувствовать себя связанным с ним более спокойным, менее требовательным способом.

В этих наблюдениях была определенная доброта, мягкость, которую я не позволял себе в течение долгого времени. Никакого давления, чтобы навешивать ярлыки или давать определения. Это было простое присутствие.

Я понял, что мне не нужны грандиозные повествования или сложные персонажи, чтобы оправдать свое писательство. Иногда одно предложение, нацарапанное на полях блокнота, казалось более честным, чем страницы структурированной прозы. Такое предложение, как: «Женщина у окна двенадцать раз мешает чайную ложку, прежде чем сделать глоток». Этого было достаточно. Оно не должно было быть

частью большой истории. Это была сама история.

Постепенно я стал больше прислушиваться к тихим ритмам жизни – незаметной хореографии повседневности. Бариста дважды постукивает по стойке, ставя чашку. Продавец газет перелистывает страницы отработанным, почти медитативным движением. Эти небольшие повторения стали своего рода музыкой, тонкой партитурой моих дней. И записывая их, я не просто фиксировал их; я позволял себе принадлежать им.

Была свобода в том, что не нужно было превращать каждую мысль в нечто товарное. Я никому не был обязан этими наблюдениями. Они были моими, как разбросанные ракушки, собранные на тихом берегу. Каждая из них была несовершенна, но ценна только потому, что я видел ее, чувствовал и решил запомнить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.